



Терминал жизни

Кира Артемова

18+

18+

Кира Артемова

Терминал жизни

<https://litres.ru/74490119>

SelfPub; 2026

Аннотация

Недалёкое будущее. Технология «терминала жизни» извлекает посмертные нейронные импринты — воспоминания, которые человек уносит с собой. Доступ строго регламентирован, нелегальные терминалы — под запретом.

Антон Воронов, начальник отдела этического контроля, годами жил за стеной молчания: не расследовал гибель жены, не искал правду об отце. Алёна Дроздова, его аналитик, потеряла брата и ради последнего взгляда пошла к дилерам. Олег Стрельцов, человек протокола, не умеющий лгать, становится угрозой системе.

Каждый обман тянет за собой новое преступление. От маленькой недоговорённости — к стиранию памяти, к смертям. Когда правда начинает просачиваться сквозь трещины, остановить её уже невозможно.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРАВДА, КОТОРУЮ НЕ СКАЗАЛИ	4
СТЕКЛЯННЫЕ СТЕНЫ	4
АЛЁНА	13
ОЛЕГ	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Кира Артемова

Терминал жизни

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРАВДА, КОТОРУЮ НЕ СКАЗАЛИ

СТЕКЛЯННЫЕ СТЕНЫ

Кабинет Антона Воронова выходил окнами на северную сторону здания, и с октября по март свет в него проникал только под углом — тусклый, водянистый, будто подсвечивающий не комнату, а саму идею дневного света. В такие дни Антон включал настольную лампу ещё до обеда и не гасил до самого вечера. Лампа была старая, с медным основанием и абажуром цвета топлёного молока, — единственная вещь в кабинете, которую он выбрал сам. Всё остальное: стол, кресло, полки с папками, электронная панель на стене — приходило из единого каталога корпоративного оснащения, безликого и функционального, как больничная мебель.

Антон не любил больницы. Он вырос рядом с одной — мать работала медсестрой в районной поликлинике на окраине Челябинска, и запах хлорки стал для него тем, чем для

других детей бывает запах маминой кухни: знаком дома, безопасности, повторяемости. Но повзрослев, он научился различать в этом запахе нечто другое — дезинфекцию, то есть попытку скрыть, убрать, сделать невидимым то, что было. Грязь, кровь, болезнь, смерть. Хлорка не убирала — она маскировала. И в этом, как считал Антон, была вся суть.

Ему было сорок три. Высокий, сухопарый, с лицом, на котором морщины пролегли так рано и так глубоко, будто кожа решила состариться быстрее, чем человек внутри неё. Он носил очки в тонкой металлической оправе — не потому что зрение падало, а потому что без очков лицо казалось ему слишком открытым, слишком читаемым. Очки давали границу, как стена. А Антон любил стены.

Стеклянные, непрозрачные, глухие — любые. Стены определяли пространство, а пространство определяло человека. В корпорации «НейроСвязь», где Антон руководил отделом этического контроля, стены были звуконепроницаемыми, и он считал это не архитектурной особенностью, а метафорой всего, чем занималась компания.

«НейроСвязь» разрабатывала технологию, которую в прессе называли «терминалом жизни», а в официальных документах — «системой посмертной нейронной экстракции». Суть была проста и от этого ещё более страшная: после смерти человека из его мозга можно было извлечь нейронные импринты — электрические следы памяти, — оцифровать их и воспроизвести. Получался не фильм, не запись, а нечто боль-

шее: возможность пережить чужие воспоминания изнутри, увидеть мир глазами умершего, услышать его мысли в последний момент, почувствовать то, что он чувствовал.

Технология была разрешена законом — но с оговорками. Доступ к терминалу предоставлялся только ближайшим родственникам и только через государственные лицензированные центры. Требовалось согласие, завещание, подписи, печати. Процедура занимала недели. И, разумеется, не всем хватало недель.

Чёрный рынок возник почти одновременно с легальным. Дилеры — люди с доступом к списанному или украденному оборудованию — предлагали услугу без вопросов, без очереди, без бумаг. Цена была высокой, но не запредельной. Риск — другим вопросом: нелицензированные терминалы работали хуже, импринты воспроизводились с искажениями, а иногда процедура приводила к необратимым изменениям в мозге самого пользователя. Но горе, как известно, не считается с риском.

Отдел Антона занимался тем, что ловил нарушителей. Не дилеров — дилеров ловила полиция. Антон и его люди ловили тех, кто пользовался: сотрудников корпорации, которые могли иметь доступ к оборудованию, клиентов, которые обходили официальную процедуру, и — самое важное — самих себя. Потому что «НейроСвязь» была не только разработчиком технологии, но и её главным потребителем: каждый инженер, каждый оператор, каждый аналитик хоть раз

да задумывался о том, чтобы заглянуть в терминал без протокола.

Антон хорошо понимал этот соблазн. Он понимал его лучше, чем хотел бы признать.

Семь лет назад его жена, Марина, погибла. Официальная версия — автокатастрофа. Машина вылетела с трассы на гололёде, перевернулась, Марина умерла на месте. Так ему сказали. Так было написано в протоколе. Так он подписал документы, не задав ни одного вопроса.

Он не задал ни одного.

Не потому что не хотел — потому что не мог. В тот вечер, когда ему позвонили, он сидел дома один, с кофе, и смотрел документальный фильм про птиц. Телефон зазвонил, и мир разделился на «до» и «после» с такой точностью, словно кто-то провёл линию скальпелем. Он слушал голос оператора, регистрировал слова, но они не складывались в смысл. «Автокатастрофа». «На месте». «Приезжайте для опознания». Он приехал. Он опознал. Он подписал. И каждый раз, когда ему казалось, что сейчас, вот сейчас он спросит — как? почему? кто был за рулём? что было на дороге? — голос в голове говорил: «Не надо. Не узнаешь. Не вынесешь. Подпиши и иди».

И он подписал. И пошёл.

Через месяц пришёл отчёт. Марина была одна в машине. Грунтовая дорога. Голоолёдица. Скорость — 90. Тормозной след отсутствует. Заключение: потеря управления. Никаких подозрений. Дело закрыто.

Антон не открыл его снова. Он положил отчёт в ящик стола, задвинул ящик и больше к нему не возвращался. Не потому что поверил — потому что боялся, что если начнёт копать, найдёт что-то, что сделает боль ещё невыносимее. Лучше не знать. Лучше стена. Лучше хлорка.

Но семью Маринину он после этого видеть перестал. Мать Марины звонила первые месяцы, потом реже, потом перестала. Отец написал письмо — длинное, злое, с обвинениями: «Ты ничего не выяснил, ты даже не попытался, тебе было всё равно». Антон прочитал, сложил вчетверо и убрал в тот же ящик. Он знал, что тесть прав. Он знал это так же точно, как знал, что ничего не изменит.

С тех пор Антон жил в режиме максимального контроля. Его работа была идеальным продолжением его травмы: он контролировал чужие секреты, потому что не мог контролировать свой. Он ловил тех, кто лгал и скрывал, потому что сам лгал и скрывал — от себя, от мира, от памяти Марины. Он был идеальным контролёром, потому что понимал мотивацию каждого нарушителя: каждый из них хотел того же, чего хотел он — правды. И каждый был готов за неё заплатить.

Вот только Антон не платил. Он наблюдал. Он блокировал. Он писал отчёты. И каждый отчёт был маленькой стеной, которую он возводил между собой и тем, что не хотел знать.

В то утро, с которого начинается эта история, Антон си-

дел за столом и читал рапорт одного из своих аналитиков — Олега Стрельцова. Олег был молод, двадцать восемь, амбициозен, корректен и абсолютно лишён чувства интуиции. Он работал по протоколу: где протокол указывал на нарушение, Олег находил нарушение; где протокол молчал, Олег тоже молчал. Он был идеальным солдатом системы и именно поэтому — опасным. Люди, следующие протоколу без сомнений, не остановятся перед тем, чтобы сдать коллегу, потому что для них коллега — это статус, а не человек.

Рапорт был стандартный: анализ обращений в нелегализованные терминалы за третий квартал. Цифры, графики, выводы. Ничего необычного. Но в конце, на последней странице, Олег добавил раздел, которого не было в шаблоне: «Наблюдения вне протокола».

Антон нахмурился и прочитал.

«В ходе анализа данных зафиксирован аномальный паттерн обращений к терминальным услугам, не отражённый в официальной статистике. Источник: перехват нелегализованных каналов связи (приложение к рапорту). Паттерн указывает на использование нелегализованного терминала в районе Северного промышленного узла. Частота обращений: три за последние шесть недель. Идентификация пользователя: затруднена. Предварительная привязка к сотруднику корпорации: возможна. Рекомендация: внутреннее расследование».

Антон перечитал два раза. «Возможна» — это не «уста-

новлена». «Предварительная» — это не «подтверждённая». Олег действовал осторожно, по-своему. Но «сотрудник корпорации» — это уже не абстрактное лицо. Это кто-то из своих.

Антон закрыл файл, снял очки, протёр их краем рубашки — привычка, за которую его всегда ругала Марина, — и надел снова. Потом нажал кнопку внутренней связи.

— Олег. Зайди.

Тишина длиной в три секунды.

— Угу.

Через минуту Олег стоял в дверях, держа в руке кружку с кофе. Кружка была с надписью «Я следую протоколу» — подарок коллег на день рождения. Олег не понимал иронии. Это было частью его обаяния и частью его угрозы.

— Садись, — сказал Антон, не поднимая глаз. — Расскажи про последний раздел. Словами.

Олег сел, поставил кружку на стол и заговорил — ровно, без пауз, без эмоций, как диктор читает сводку погоды:

— Мы перехватили трафик нелегализованного канала в Северном узле. Канал активируется раз в две-три недели, всегда ночью, всегда с одного и того же района. Пользователь обращается к терминалу, но не через стандартный интерфейс — через модифицированный. Это значит, что либо у него есть доступ к нашему оборудованию, либо он использует клон.

— Клон?

— Копия программного обеспечения. Нелегальная. Функционал ограничен, но работает.

— И ты думаешь, это наш сотрудник?

— Я не думаю. Я предполагаю на основании данных. Паттерн обращений совпадает с графиком работы сотрудника, который имеет доступ к лаборатории. Точнее — к сектору, где хранится списанное оборудование.

— Кто?

Олег помолчал. Потом сказал:

— Алёна Дроздова.

Имя повисло в воздухе, как запах хлорки.

Антон знал Алёну. Она работала в его отделе второй год — младший аналитик, тихая, собранная, с тёмными глазами, которые всегда казались чуть влажными, будто она только что прочитала что-то печальное. Она говорила мало, работала точно, и Антон ценил её именно за это молчание — в отделе, где все говорили, молчание было редкостью.

Он знал также, что у Алёны полгода назад умер брат. Молодой, двадцать четыре. Передозировка. Она не говорила об этом на работе, но Антон видел — по лицу, по рукам, по тому, как она стала задерживаться после смен, как начала избегать общих обедов. Он видел, потому что узнавал это выражение: он сам носил его семь лет.

— Уверен? — спросил Антон.

— На восемьдесят процентов.

— Это мало.

— Это достаточно для внутреннего расследования.

Антон посмотрел на Олега. Олег смотрел прямо, без вызова, без сомнения. Он был прав — по протоколу. И именно потому, что он был прав по протоколу, Антон почувствовал холод в животе.

— Не надо расследования, — сказал Антон. — Пока.

— Почему?

— Потому что «восемьдесят процентов» — это не основание для расследования. Это основание для наблюдения. Наблюдай. Собирай данные. Когда будет сто — придёшь снова.

Олег кивнул, встал и вышел. Кружка осталась на столе. «Я следую протоколу». Антон перевернул её вверх дном.

Он знал, что делает. Он оттягивал. Он строил стену.

Но он также знал — и это было хуже всего — что если Алёна действительно ходила к терминалу, значит, у неё была причина. И причина эта была не в любопытстве и не в корысти. Она была в горе. А горе, в отличие от протокола, не имеет раздела «наблюдения вне».

Антон снял очки снова и закрыл глаза.

Он подумал о Марине. О том, как она смеялась — запрокидывая голову, с открытым ртом, бесстыдно, как смеются только люди, не боящиеся быть увиденными. О том, как она смотрела на него, когда он молчал за ужином: не с обидой, не с вопросом — с пониманием. Она знала, что он прячет, и не спрашивала, потому что уважала его стену.

А потом она умерла. И стена осталась. И за ней — ничего.

АЛЁНА

Алёна Дроздова знала, что за ней следят.

Не в тот момент, когда это началось, — она поняла позже, задним числом, собирая детали, как осколки разбитой чашки. Но ощущение появилось раньше понимания: лёгкий зуд между лопаток, необъяснимое желание обернуться в коридоре, привычка закрывать дверь кабинки туалета на защёлку, хотя раньше никогда не закрывала. Тело знает раньше головы. Тело — самый честный свидетель, потому что не умеет лгать.

Она лгала. Лгала три месяца.

Всё началось в феврале, через месяц после смерти Кости. Брат умер в одиночной квартире на окраине города, на диване, с воткнутой в вену иглой. Ему было двадцать четыре. Он был наркоманом — это она знала. Знала давно, с тех самых пор, как в семнадцать он впервые исчез из дома на трое суток и вернулся с лицом, которое она не узнала. Мать плакала, отец орал, Алёна молчала. Она всегда молчала, когда другие кричали, — не потому что нечего было сказать, а потому что слова казались ей недостаточно тяжёлыми для того, что она чувствовала.

Костя лечился. Срывался. Лечился снова. Срывался снова. Это было похоже на дыхание: вдох — выдох — вдох — выдох. Только вдохи становились всё короче, а выдохи —

всё длиннее. Последний выдох случился в ночь на тридцатое января. Ей позвонили из полиции. «Ваш брат... обнаружен... по адресу...». Она слушала, и думала: я знала. Я знала, что это случится. Я знала и ничего не сделала.

Это была неправда. Она сделала — всё, что могла. Возила его в клиники, платила, сидела рядом, когда его ломало. Но правда не интересовала её чувство вины. Чувство вины было сильнее правды. Чувство вины сказала: ты недосмотрела. Ты не позвонила в тот вечер. Ты не приехала. Ты мало звонила. Ты мало любила.

И Алёна поверила. Потому что верить в свою вину было проще, чем признать, что есть вещи, которые ты не можешь контролировать. Что любовь не лечит. Что ты не спасла — не потому что не захотела, а потому что не могла.

Через месяц после похорон ей позвонил незнакомец. Мужской голос, спокойный, с лёгким акцентом — южным, едва заметным. Он сказал:

— Алёна Дмитриевна, мне сказали, вы ищете ответы.

— Кто вы?

— Человек, который может помочь. Ваш брат... перед смертью он кое-что записал. Я имею доступ к его... последним мыслям. Если хотите — можете увидеть.

Сердце её остановилось на одну секунду. Она посчитала.

— Что это значит? — спросила она.

— Терминал. Вы знаете, что это такое. Я могу подключить вас. Без очереди. Без бумаг.

— Это незаконно.

— Законно — то, что вы платите налоги. А это — разговор между людьми.

Она повесила трубку. Потом перезвонила. Номер не определялся. Она ждала сутки, и ей перезвонили.

— Подумали? — спросил голос.

— Да, — сказала она. — Когда?

Так она попала к дилерам.

Дилеры работали из гаража в Северном промышленном узле — районе, который в дневное время был пуст и тих, как кладбище заводов, а ночью оживал: фары, тени, короткие переговоры шёпотом. Терминал стоял в дальней комнате, за стеллажом с запчастями: ржавый, помятый, с экраном, который мерцал, как старый телевизор. Он был списан из «НейроСвязи» три года назад и восстановлен людьми, чьих имён Алёна никогда не узнает.

Дилер — тот самый голос по телефону — оказался невысоким мужчиной лет пятидесяти, с лицом, на котором не было ничего приметного: ни шрамов, ни морщин, ни выражения. Лицо-стена. Он взял деньги — пятьдесят тысяч за сеанс — и сказал:

— Правила простые. Садитесь. Шапка. Держите. Если станет плохо — не снимайте, подождите. Максимум — десять минут. Дольше — мозг не выдержит. Вопросы?

— Что я увижу?

— Последние воспоминания. Тридцать-сорок минут до смерти. Иногда больше, иногда меньше. Зависит от мозга.

— Он был... — Алёна замолчала. — Он был под наркотиком.

— Это неважно. Импринт сохраняет всё. Нейроны не врут.

Она надела шапку — холодную, с электродами, которые прижались к вискам как пальцы незнакомца. Дилер что-то нажал. Экран мигнул. И всё.

Сначала — ничего. Темнота. Потом — свет. Не яркий, а мягкий, рассеянный, как утреннее солнце через занавеску. Она увидела комнату. Его комнату — она узнала сразу: обои с облаками (он не менял их с детства), диван, на котором он умер, стол с кружкой. И — его руки. Она видела его руки, его собственные руки, как будто стояла внутри его головы и смотрела сквозь его глаза.

Он сидел на диване. Думал. Думал о ней.

«Лёна. Надо позвонить Лёне. Скажу — прости. Скажу — я пытался. Скажу — не виновата ты. Ни в чём.»

Она всхлипнула. Дилер сказал:

— Тихо. Не двигайтесь.

Костя встал. Подошёл к телефону. Взял его. Положил. Снова взял. Набрал номер. Её номер. Она услышала гудки — длинные, тягучие, как сирена. Она не ответила. Она помнила этот вечер: она была в кино с подругой, телефон лежал в сумке, на беззвучном режиме. Она не ответила.

Костя положил трубку. Сел обратно. Посмотрел на шприц на столе. Подумал — не словами, а образами: лицо матери, лицо отца, лицо Алёны. Белый потолок. Тишина.

Потом он взял шприц.

Алёна закричала. Дилер снял шапку.

— Хватит, — сказал он. — Первое всегда тяжело.

Она сидела в гараже и плакала, и плакала долго, и дилер не трогал её и не утешал, и не уходил, и не смотрел, — просто стоял рядом, как столб, и ждал.

Она вернулась домой и не спала трое суток. Она видела его руки, его комнату, его последний взгляд. Она слышала его мысли — «не виновата ты». И это было хуже, чем всё, что она себе говорила. Потому что его голос, его мысли, его последний взгляд сказали ей: ты не виновата. А она хотела быть виноватой. Она нуждалась в этом. Потому что вина — это форма ответственности, а ответственность — это форма контроля. Если ты виновата, значит, ты могла что-то сделать. А если не виновата — значит, ничего не зависело от тебя. И это — самое страшное.

Алёна вернулась к дилеру через две недели. Потом ещё через две. Три сеанса. Три погружения в последний день Кости. Каждый раз она надеялась найти что-то новое — какую-то деталь, какую-то зацепку, которая объяснит, почему. Почему он не позвонил раньше. Почему не дождался. Почему не попросил помощи в тот раз, в предыдущий, в позапрошлый. Она искала причину, которую можно было на-

звать.

Но причина была проста и непереносима: он устал. Вот и всё. Он устал бороться. Это не было решением — это было истощением. И ничьей вины в этом не было.

Алёна не смогла это принять. Она вернулась в третий раз — и на третьем сеансе увидела то, чего не заметила раньше. За минуту до того, как Костя взял шприц, он подумал об отце. Не о ней — об отце. И мысль была не о вине, не о боли, а о чём-то конкретном: «Он знал. Знал и не сказал мне. Сказал бы — может, по-другому бы всё».

Что знал? Что не сказал?

Алёна не успела понять — время вышло, дилер снял шапку.

Но теперь у неё был вопрос. А вопрос — это хуже, чем горе. Горе можно пережить, уложив его в стену и замазав щели. Вопрос ломает стены.

ОЛЕГ

Олег Стрельцов не знал, что за ним следят. Он следил за другими — это было его призвание, его работа и, если честно, его удовольствие.

Он вырос в семье военного — отец служил в пограничных войсках, мать работала вахтёром на заводе. Дом был маленький, строгий, с правилами, написанными и неписаными. Главное правило — не ври. Отец бил за ложь. Не жестоко, но системно: ремнём, по одному разу, без крика, молча. Ложь обнаруживалась всегда — отец обладал чутьём, которое Олег считал сверхъестественным, а теперь, оглядываясь, понимал: просто опытом. Человек, который провёл двадцать лет на границе, читает ложь как текст.

Олег усвоил урок. Он не врал. Никогда. Это было его преимуществом и его проклятием: в мире, где все лгали — мелко, крупно, по привычке, по необходимости, — Олег был единственным, кто говорил правду. И за это его не любили.

Правда неудобна. Правда ставит человека перед необходимостью действовать, а действовать не хочет никто. Ложь даёт отсрочку, правда — нет. Олег давал правду, и люди злились — на него, не на правду. Он привык.

В «НейроСвязь» он пришёл два года назад, после армии и заочного окончания университета. Он выбрал отдел этического контроля не из идеализма, а из прагматизма: это бы-

ла единственная позиция, где неспособность лгать была не недостатком, а квалификацией. Он был создан для этой работы.

Антон он восхищался — молчаливо, без восхищения во взгляде, что было бы нелепо, а в поступках: он копировал манеру Антона держаться, его лаконичность, его привычку перечитывать документы дважды. Но между восхищением и пониманием — пропасть. Олег восхищался Антоном как идеальным контролёром, но не понимал, что Антон — идеальный контролёр именно потому, что контролирует себя. А то, что Антон прячет, Олег не видел. Не мог видеть. Для этого нужен не протокол, а эмпатия, а эмпатия была той единственной вещью, которой Олегу не хватало.

Он заметил Алёну случайно. Анализируя перехваченный трафик нелегальных каналов — рутинная работа, которую никто в отделе не любил, — он увидел паттерн: три обращения за шесть недель, одно местоположение, одно время. Он наложил график обращений на график доступа сотрудников к лаборатории и получил совпадение. Алёна работала в вечерние смены. Алёна имела доступ в сектор хранения. Алёна брала отгулы в дни, следующие за ночью активации канала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.